Анненкин. Новиков

И. А. Крылов

1768-1844

И 8/339

И 2/391

УЧАЩИМСЯ

ПОСОБІЕ ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ

И. А. КРЫЛОВЪ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Цѣна 30 коп.

1768 — 1844

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

И-339
Ф 1-82
8384

И. А. Крыловъ.

БІОГРАФІЯ И РАЗБОРЪ ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛИ

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Владимира Рябова.

ПУБЛИЧ. и ФУМН... БИБЛІО-ТЕКА ...ВЕИ

ИЗДАНІЕ
Книжныхъ магазиновъ Ив. ЗАГРЯЖСКАГО
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

[1910]

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой пр., 61.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагая учащимся настоящее пособіе, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ руководящихъ положеніяхъ, которыя создали необходимость появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда пособій по русской литературѣ.

Хотя въ настоящее время и существуетъ достаточное количество пособій къ изученію литературы, тѣмъ не менѣе среди учащейся молодежи явно обнаруживается недостатокъ въ такихъ пособіяхъ, благодаря которымъ каждый, ознакомившись съ необходимымъ и готовымъ матеріаломъ, могъ бы приступить къ разработкѣ извѣстной темы и имѣть ясное представленіе объ изучаемомъ произведеніи извѣстнаго писателя. Принимая во вниманіе сказанное, мы и предлагаемъ составленную нами цѣлую серію пособій. Каждое изъ упомянутыхъ составлено по трудамъ луч-

шихъ русскихъ критиковъ и историковъ литературы—Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Ап. Григорьева, Страхова, Пыпина, Михайловскаго, Скабичевскаго, Овсянникова-Куликовскаго, Венгерова, Котляревскаго, Андреевича, и мн. друг.—и содержитъ біографію и разборъ произведеній того или другого писателя.

Н. И. Дюнькинъ и А. И. Новиковъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Привѣтствуя появленіе новыхъ пособій къ изученію русской литературы, слѣдуетъ сказать, что каждое изъ нихъ представляетъ разборъ произведеній извѣстнаго писателя и въ каждомъ практически изложено все необходимое для того, чтобы учащіеся могли совершенно самостоятельно, не встрѣчая затрудненій, приступить къ изученію произведеній избраннаго ими писателя. Разборъ всѣхъ главныхъ произведеній русскихъ классиковъ точенъ со взглядами многихъ критиковъ и при составленіи, какъ видно, было обращено вниманіе на доступность изложенія. Если кому-либо покажется, что въ томъ или другомъ пособіи нѣтъ полнаго единства, что есть много вопросовъ, на которые не дается вполнѣ законченныхъ отвѣтовъ, то скажу, что для того, кто находится въ преддверіи изученія извѣстнаго писателя, необходимо прежде всего познакомиться съ содержаніемъ его произведеній, а затѣмъ съ критическими отзывами и разборомъ ихъ. Отдавая скромную дань составителямъ, надо надѣяться на возбужденіе интереса учащихся къ доступнымъ пособіямъ.

В. А. Рябовъ.

БІОГРАФІЯ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ сынъ бѣднаго армейскаго офицера. Родился онъ въ Москвѣ 2 февраля 1769 г. Но въ Москвѣ семейство Крыловыхъ оставалось очень недолго. Поднялся Пугачевскій бунтъ и отецъ Ив. Андр. долженъ былъ отправиться съ полкомъ на усмиреніе бунта; семейство послѣдовало за нимъ. Отецъ Крылова былъ человѣкъ недюжинный, отличался большимъ хладнокровіемъ, энергіей, рѣшительностью и отвагой. Онъ отличился при защитѣ города Яика и такъ озлобилъ Пугачева своимъ сопротивленіемъ, что тотъ поклялся повѣсить какъ самого Крылова, такъ и все его семейство, слѣдовательно и четырехлѣтняго Ивана Андреевича. По окончаніи бунта Крыловъ-отецъ оставилъ военную службу и получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери. Это внесло существенное измѣненіе въ жизнь Ивана Андреевича. Изъ далекаго захолустья онъ попадаетъ въ сравнительно оживленный губернскій городъ. Кругъ наблюденій мальчика сразу расширяется. Кромѣ того, наступаетъ и время учиться. Отецъ Ивана Андреевича, хотя и не получилъ никакого образованія, но тѣмъ не менѣе былъ человѣкъ очень неглупый и начитанный. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлый сундукъ книгъ—большая рѣдкость въ тѣ времена для бѣднаго человѣка. Мать же его была

неграмотна и по отзыву Крылова „простая женщина, безъ всякаго образованія, но умная отъ природы и исполненная высокихъ добродѣтелей“ Первыми шагами Ивана Андреевича въ ученьи могъ руководить его отецъ, но, кромѣ того, онъ ходилъ къ богатому помѣщику Львову учиться вмѣстѣ съ его дѣтьми у гувернера-француза. Въ 1778 г. умираетъ отецъ и семья остается безъ всякихъ средствъ къ жизни. Ходатайство матери о пенсіи было оставлено безъ послѣдствій, и вотъ мальчикъ Крыловъ, записанный раньше номинально подканцеляристомъ въ Калязинскій магистратъ, вступаетъ на дѣйствительную службу съ тѣмъ же чиномъ въ Тверской магистратъ и становится опорой семьи. Наконецъ, въ 1782 г. 13-лѣтній Крыловъ оставляетъ службу и Тверь и вмѣстѣ съ матерью и братомъ переѣзжаетъ въ Петербургъ. Въ этотъ ранній періодъ жизни характеръ Крылова уже въ значительной степени намѣтился, намѣтилось и то направленіе, по которому пойдетъ его развитіе. Самое раннее дѣтство, проведенное въ походахъ и связанное съ опасностью, закалило его характеръ и способствовало развитію въ немъ значительной доли энергіи и хладнокровія, качествъ, унаслѣдованныхъ имъ отчасти отъ отца, и которыя рѣзко проявились въ его молодые годы. Но эта жизнь далеко не способствовала правильному развитію и образованію ребенка. Обстоятельства въ этомъ отношеніи нѣсколько улучшились съ переѣздомъ въ Тверь, но тоже оставляли желать много лучшаго. Народныхъ школъ тогда совершенно не было, даже въ губернскихъ городахъ, а домашнее первое знакомство съ грамотой и уроки гувернера въ домѣ Львовыхъ въ очень незначительной степени восполнили этотъ недостатокъ. Да и большой охоты къ ученью мальчикъ Крыловъ не проявлялъ. Несомнѣнно его, не знавшаго стѣсненій, выросшаго на улицѣ,

сталкивающагося постоянно съ самыми разнообразными проявленіями жизни, мало привлекали классные уроки, ведшіеся крайне сухо и неумѣло. Зато онъ въ эти годы увлекается чтеніемъ и съ жадностью поглощаетъ книги, которыя онъ находилъ въ библіотекѣ своего отца. Подъ вліяніемъ этого чтенія онъ пристрастился къ литературѣ. Какъ бы то ни было, а недостатокъ, вѣрнѣе, отсутствіе систематическаго образованія, не былъ восполненъ, и впослѣдствіи это сильно отразилось на литературной дѣятельности Крылова. Развитіе мальчика шло совершенно своеобразнымъ путемъ. Матерьялъ для размышеній ему доставляли не классныя занятія, а улица, непосредственно окружающая его жизнь. Уже та совершенно новая обстановка, въ которую попалъ онъ съ переѣздомъ въ Тверь, должна была вызвать въ немъ много интересныхъ сопоставленій и наблюденій. Затѣмъ его наблюдательность находитъ себѣ обильную пищу на рынкахъ, площадяхъ, на кулачныхъ бояхъ, наконецъ, на плоту, куда собирались прачки и водовозы. „Тутъ“, говоритъ Кеневичъ, „пробудилась его наблюдательность, тутъ онъ изощрилъ или, можетъ быть, уже тогда усвоилъ начало той чисто русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ русскаго народа“. Наконецъ, тутъ же, еще въ Твери, развилось у него и то болѣзненное самолюбіе, крайне чуткое до всякаго оскорбленія и униженія, которое не малую роль сыграло въ его ранній періодъ жизни въ Петербургѣ. Этому положили начало, должно быть, уроки въ домѣ Львовыхъ, гдѣ слишкомъ ярко выступала разница въ положеніи Крылова и его богатыхъ товарищей. Должно быть эту разницу не стѣснялся подчеркивать и гувернеръ, что было тогда въ обычаѣ. Не малую роль въ этомъ отношеніи сыграла смерть отца и та нищета, въ которую впала семья, оставшаяся безъ вся-

кихъ средствъ къ жизни. Можетъ быть именно это обстоятельство, связанное съ желаніемъ „выбиться въ люди“, заставило Крылова обратиться къ литературѣ, какъ къ одному изъ такихъ средствъ. Какъ бы то ни было, 13-ти лѣтній Крыловъ ѣдетъ въ Петербургъ уже авторомъ комической оперы „Кофейница“. Эта опера, явившись плодомъ знакомства Крылова съ сатирическими журналами того времени, носитъ слѣды близкаго подражанія, содержаніе ея шаблонно, и съ художественной стороны она очень слаба. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Майкова, въ ней чувствуется „та свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій“. Въ этой оперѣ Крылова, какъ и въ большинствѣ литературныхъ произведеній той эпохи, осмѣивается внѣшнее и нелѣпое подражаніе иностранцамъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Крыловъ поступаетъ на службу въ Казенную Палату съ жалованьемъ въ 25 рублей въ годъ. Свое первое произведеніе онъ продаетъ книгопродавцу Брейткопфу за 60 рублей, но вмѣсто денегъ беретъ книги: сочиненія Расина, Мольера и Буало. Неизвѣстно какими соображеніями руководствовался Брейткопфъ, когда покупалъ „Кофейницу“; во всякомъ случаѣ въ печати она не появлялась. Здѣсь, въ Петербургѣ, Крыловъ еще болѣе увлекается театромъ. Ревностно посѣщаетъ его и пишетъ въ господствовавшемъ тогда ложно классическомъ стилѣ пьесы: „Клеопатра“ и „Филомела“ Эти пьесы очень слабы и не были поставлены на сцену. Но онѣ доставили молодому Крылову знакомство съ артистомъ Дмитревскимъ, послѣ чего онъ входитъ въ театральный и литературный міръ. Черезъ директора русской труппы Соймонова онъ переходитъ на службу въ Кабинетъ Ея Величества, а также получаетъ по-

рученіе на переводъ съ французскаго оперы: „Инфанты“. Пишетъ онъ также и сатирическія комедіи: „Бѣшенная семья“, „Проказники“, „Сочинитель въ прихожей“. Но его произведенія на сцену не ставились. Это должно было больно задѣвать самолюбиваго юношу, мечтающаго о славѣ. Его неудовлетворенное самолюбіе начинаетъ прорываться въ рѣзкихъ выходкахъ. Одной изъ такихъ выходокъ была ссора съ Княжнинымъ и его женой, оскорбившими его самолюбіе. Онъ на нихъ написалъ комедію-пасквиль „Проказники“ и затѣмъ еще пишетъ имъ по этому поводу крайне рѣзкое, но не лишенное остроумія письмо, въ которомъ глумится надъ ними. Вскорѣ онъ разошелся и съ Соймоновымъ. Послѣ этого онъ покидаетъ театръ и принимается за изданіе сатирическихъ журналовъ „Почта Духовъ“ или „ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Мамекульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами“, а затѣмъ „Зритель“ и наконецъ „Санктпетербургскій Меркурій“. Первый изъ нихъ Крыловъ издавалъ въ сообществѣ съ Рахмановымъ, а другіе два съ Клушинымъ. Какъ въ первой своей комедіи, такъ и въ своей журнальной дѣятельности, Крыловъ, главнымъ образомъ, нападаетъ на внѣшній европеизмъ, и въ этомъ отношеніи вполнѣ слѣдуетъ избитой традиціи легкихъ журналовъ Екатерины. На поприщѣ журналистики онъ потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и на театральномъ. Уже съ 1791 г. ему пришлось считаться съ „Московскимъ Журналомъ“ Карамзина, внесшаго новый тонъ и новые болѣе серьезные интересы и запросы въ русскую литературу. Хотя Крыловъ и дѣлаетъ слабыя попытки примѣниться къ этимъ новшествамъ, но онѣ были совсѣмъ неудачны, такъ какъ этого не позволяли Крылову ни личный его характеръ, ни отсутствіе образованія. Приказъ же Павла въ

1796 г. о закрытіи всѣхъ частныхъ типографій положилъ конецъ его журнальной дѣятельности. Съ этого года Крыловъ на десять лѣтъ совершенно оставляетъ литературное поприще. Онъ живетъ нѣсколько лѣтъ въ Кіевскомъ имѣніи князя Голицына, въ качествѣ секретаря и добровольнаго учителя его дѣтей. Затѣмъ въ 1801 г., когда князь Голицынъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу, Крыловъ переѣзжаетъ съ нимъ. Но здѣсь онъ оставался недолго и съ 1803 года по 1805 г. онъ странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, въ точности неизвѣстно гдѣ. Въ это время онъ страстно предается карточной игрѣ, въ которой пользуется большимъ счастьемъ. Съ 1806 года онъ опять появляется въ Петербургѣ и остается здѣсь жить до конца своей долгой жизни. Именно съ этого времени онъ становится баснописцемъ и быстро завоевываетъ славу, которой онъ такъ страстно и съ такой энергіей добивался въ дни своей молодости. Когда онъ показалъ Дмитріеву первый свой переводъ изъ Лафонтена, тотъ сказалъ ему: „Это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его“. Дѣйствительно хотя Крыловъ написалъ еще двѣ комедіи „Урокъ дочкамъ“ и „Модная лавка“, которыя были поставлены на сцену, но не онѣ дали безсмертіе его имени, не въ нихъ со всей силой раскрылся талантъ Крылова; и то и другое было достигнуто имъ только въ баснѣ. По этому поводу Сиповскій говоритъ слѣдующее: „Крыловъ неспособенъ былъ глубоко чувствовать; это былъ человѣкъ не чувства, а разсудка; житейская опытность помогла ему выработать рядъ отрывочныхъ практическихъ правилъ, которыя онъ съ его облѣнившимся умомъ не связалъ въ стройную систему. Съ точки зрѣнія этихъ правилъ сталъ онъ смотрѣть на жизнь и внимательно замѣчалъ всѣ противорѣчія имъ. Обладая отъ природы сатирическимъ талантомъ,

онъ осмѣивалъ въ своихъ басняхъ эти противорѣчія. И, конечно, самую выгодную литературную форму для выраженія чувствъ такого сатирика, какимъ былъ Крыловъ, представляла именно басня. Отрывочныя мысли для ихъ выраженія не требовали произведенія большого по размѣрамъ, а осторожность, пріобрѣтенная съ годами, подсказывала иносказаніе. Наконецъ, удивительная наблюдательность, не шедшая, впрочемъ, въ глубину, дала ему возможность свои произведенія сблизить съ дѣйствительностью, а художественный талантъ воодушевилъ его созданья, вдохнулъ въ нихъ жизнь"... Найдя свое настоящее поприще, почти въ сорокъ лѣтъ, Крыловъ совершенно разстался со своей дѣятельной жизнью молодыхъ лѣтъ. Онъ поступаетъ на службу раньше въ монетный дворъ, а затѣмъ въ Публичную библіотеку въ 1812 г. На этой должности онъ и остается до 1841 года. Уже къ сорока годамъ онъ началъ отяжелѣвать и затѣмъ постепенно подъ вліяніемъ достигнутаго обезпеченія и удобной, не требовавшей почти никакого труда, службы въ немъ начинаетъ развиваться та баснословная лѣнь, о которой до насъ дошло столько анекдотовъ.

Вращается онъ въ этотъ періодъ въ средѣ литераторовъ стараго закала, какими были напримѣръ Шишковъ, князь Шаховской, Державинъ. Состоитъ онъ членомъ знаменитой „Бесѣды любителей русскаго слова". Съ этимъ кругомъ его связывали личная дружба и консерватизмъ во взглядахъ, но безусловно его причислить къ нему нельзя. Онъ прекрасно видѣлъ комическія стороны всѣхъ ихъ преній о слогѣ и литературѣ, а также очень сочувственно относился къ молодымъ и сильнымъ росткамъ литературы. Изъ самыхъ близкихъ друзей его слѣдуетъ назвать семью Оленина, гдѣ Крыловъ былъ принятъ совсѣмъ какъ родной, гдѣ былъ онъ самымъ постояннымъ завсегдатаемъ.

Отсюда пошелъ его столь распространенный эпитетъ „дѣдушка Крыловъ“. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку съ пенсіей въ 12000 р. ассигнаціями и поселился на Васильевскомъ островѣ на 1-ой линіи. Здѣсь онъ провелъ остатокъ своихъ дней еще болѣе замкнуто, почти не выѣзжая изъ дому. Здѣсь же онъ и умеръ 9 ноября 1844 года 75 лѣтъ отъ роду.

Разборъ басенъ.

Приступая къ разбору басенъ Крылова, сдѣлаемъ небольшой очеркъ историческаго развитія басни вообще. Этотъ родъ поэзіи долго не пользовался признаніемъ, какъ поэтическое произведеніе. Басни обыкновенно ставили наравнѣ съ простыми образными выраженіями и афоризмами нравственнаго характера. Только подъ перомъ Лафонтена, а потомъ Крылова басня пріобрѣла самостоятельное мѣсто въ художественной литературѣ и завоевала общее признаніе. Первоначальный видъ басни выводятъ изъ такъ называемаго животнаго эпоса, изъ народной сказки о животныхъ, которыя процвѣтали въ древнѣйшія времена, у народовъ еще не вышедшихъ изъ полудикаго состоянія. Живя въ непосредственной близости къ природѣ, сталкиваясь постоянно съ животными, терпя отъ нихъ убытки, ведя съ нимъ постоянную борьбу, примѣняясь къ нимъ, люди близко знакомились съ ихъ особенностями и нравами, одухотворяли ихъ, приближая къ себѣ, и надѣляли ихъ своими собственными свойствами. Играя важную, даже первенствующую роль въ жизни первобытнаго человѣка, въ значительной степени поглощая его вниманіе, животное царство вторгается и въ наивное міровоззрѣніе человѣка, въ его примитивную религію. Тѣ или другія

животныя надѣляются особыми силами и значеніемъ. Имъ поклоняются, ихъ боготворятъ. Не удивительно, что, съ появленіемъ первыхъ зачатковъ народной изустной поэзіи, животныя не только занимаютъ тамъ первое мѣсто, но даже почти исключительно заполняютъ ея содержаніе. Народная поэзія именно и начинается съ возсозданія того міра, который игралъ наибольшую роль въ жизни человѣка, міра животныхъ, въ томъ видѣ, какъ рисовала себѣ его безыскусственная фантазія дикаря. Этотъ животный эпосъ, нося характеръ наивной и непосредственной вѣры въ разумность и человѣкообразность животныхъ, могъ сохраняться, разумѣется, лишь на самыхъ низшихъ ступеняхъ человѣческой цивилизаціи. Постепенно этотъ видъ народной поэзіи отступаетъ на задній планъ. Его вытѣсняетъ болѣе развитая форма и болѣе высокое содержаніе. Животный эпосъ распыляется на отдѣльныя сказки, которыя уже утрачиваютъ характеръ безусловной правды и были. Впослѣдствіи, съ развитіемъ искусственной поэзіи именно эти сказки-отрывки изъ животнаго эпоса и послужили основаніемъ возникновенія басни. Родиной басни считается Греція, ея родоначальникомъ Эзопъ. Въ Греціи басня не была особой вѣтвью художественной литературы. На нее смотрѣли, какъ на особаго рода риторическій пріемъ, употреблявшійся въ частности въ ораторскихъ рѣчахъ. Это былъ лишь примѣръ, иллюстрація, придающая мысли наглядность и яркость. Служа мѣткому и образному поясненію и подкрѣпленію мысли, басня всегда имѣла въ своемъ основаніи какой-нибудь конкретный фактъ, по поводу котораго она создавалась. Но потомъ эти мѣткіе разсказы оторвались отъ той обстановки, въ которой они родились и пріобрѣли самостоятельное значеніе. Факты, по поводу которыхъ они образовались, постепенно поза-

былись и къ нимъ присоединилась общая мораль. Эта мораль занимала первенствующее мѣсто, а разсказъ присоединялся къ ней только какъ иллюстрація или подтвержденіе. Въ такомъ видѣ она и сохранялась въ греческой литературѣ и такой же была перенесена и въ римскую литературу. Она представляла собою аллегорическій разсказъ, имѣвшій своей цѣлью подтвержденіе той или другой нравственной сентенціи. Въ качествѣ такой служебной роли басня сохранилась до позднѣйшихъ временъ и нашла своего теоретика въ лицѣ Лессинга. Но уже въ Греціи потомъ Барбіемъ дѣлается попытка превратить басню изъ нравственнаго аѳоризма въ художественное произведеніе, въ сатиру. У Лафонтена и Крылова она достигаетъ этого и становится настоящей сатирой, гдѣ характеры дѣйствующихъ лицъ замѣнены характерами выводимыхъ тамъ животныхъ.

Эта замѣна дѣйствующихъ лицъ животными въ въ рукахъ истиннаго таланта, какимъ былъ Крыловъ, отнюдь не вредитъ ни цѣльности характеровъ, ни мѣткости сатиры. Въ формы, унаслѣдованныя отъ сѣдой старины, онъ вливаетъ живое современное содержаніе, полно и ярко отражая жизнь и откликаясь на всѣ сколько-нибудь выдающіеся факты этой жизни. Животныя у него играютъ служебную роль, являясь символами человѣческихъ типовъ. Эти типы ярко сквозятъ сквозь аллегорическій разсказъ басни. До какой степени, подъ маской разнаго рода звѣрей у него художественно выведены жизненные типы людей, можно судить по тому, какъ выдержаны характеры отдѣльныхъ животныхъ, фигурирующихъ въ басняхъ. Эти представители животнаго міра въ цѣломъ рядѣ басенъ проходятъ предъ нами, съ строго опредѣленными и очень ярко выраженными чертами. Каждый изъ нихъ является вполнѣ цѣльнымъ характеромъ.

Этихъ „звѣрей“ мы видимъ носителями такихъ качествъ, которыя разлиты вокругъ насъ, въ нашей собственной жизни, по поводу каждаго изъ нихъ мы можемъ составить цѣлую характеристику. Лиса является предъ нами эгоисткой по преимуществу, при чемъ этотъ эгоизмъ соединенъ въ ней съ хитростью. Она является представительницею тѣхъ пролазъ, которые умѣютъ всегда и всюду поживиться на чужой счетъ, такъ или иначе, нисколько не заботясь о средствахъ, соблюсти свою выгоду. Она не останавливается даже ни передъ какими преступленіями, лишь бы это все было шито да крыто, и способна съ легкой совѣстью погубить другого или повредить ему въ личныхъ цѣляхъ. Ложь, лесть, притворство служатъ тѣми путями, которыми все это достигается. Отлично зная всякаго, съ кѣмъ ей приходится имѣть дѣло, она умѣетъ, если это ей нужно, втереться въ довѣріе. Когда же другой вполнѣ использованъ, или уже не опасенъ, то она самымъ циничнымъ образомъ измѣнитъ къ нему свои отношенія и, если нужно, погубитъ его.

Въ противоположность умной и хитрой пройдохѣ лисѣ, оселъ отличается своей непомѣрной глупостью, которая вошла въ пословицу. Но наряду съ глупостью, какъ это сплошь и рядомъ случается въ жизни, въ немъ такъ же сильно развито и чванство. Одинаково бездарный музыкантъ и критикъ, онъ мнитъ себя геніемъ. Его тупое самомнѣніе не знаетъ границъ и онъ способенъ на самое глупое хвастовство. Но этого всего мало, онъ еще трусъ и при этомъ подлый трусъ. Онъ во весь духъ убѣгаетъ отъ льва, но когда этотъ послѣдній близокъ къ смерти и слабъ, онъ лягаетъ его и потомъ еще хвастается этимъ передъ лисой.

Крыловъ наряду съ чванливой и хвастливой глупостью осла даетъ и другую разновидность глупости

въ образѣ свиньи. Она тупа, видитъ только, что находится подъ ея рыломъ, роется въ грязи и безапелляціонно высказываетъ свои взгляды, судя обо всемъ только съ точки зрѣнія своей невзыскательной утробы.

Волкъ, какъ и лиса—хищникъ, не знающій ни къ кому милосердія, не дающій никому пощады, гдѣ дѣло касается его выгоды. Единственнымъ, доступнымъ ему мотивомъ для дѣятельности является жадность. Только онъ хищникъ покрупнѣе, чѣмъ лиса, и тамъ, гдѣ послѣдняя принуждена бываетъ дѣйствовать исподволь, пуская въ ходъ хитрость и лицемѣріе, волкъ дѣйствуетъ напрямикъ, не заботясь о приданіи своей дѣятельности законнаго вида. Да тамъ, гдѣ онъ и пытается подыскать приличные поводы къ своему злодѣйству, это ему плохо удается, Но онъ не смущается и откровенно совершаетъ свое злодѣйство. Онъ надѣется на свои зубы, а о прочемъ ему мало дѣла. Впрочемъ, когда самъ онъ понесетъ какой-нибудь, хоть самый незначительный убытокъ, онъ не замедлитъ завыть на весь лѣсъ, что его ограбили.

Наконецъ, змѣя побиваетъ рекордъ и является передъ нами еще болѣе отвратительной, чѣмъ волкъ и лисица. Эти послѣдніе губятъ другихъ изъ своей выгоды, удовлетворяя свою ненасытную жадность, змѣя же губитъ потому, что это само по себѣ доставляетъ ей удовольствіе. Злость это неотъемлемое и главное свойство ея натуры. При этомъ она очень умна, что особенно страшно при злости.

Изъ этихъ характеристикъ мы можемъ видѣть, какъ близко подошелъ Крыловъ въ своихъ басняхъ къ реальной жизни. Всѣ эти живые типы, входящіе въ образѣ животныхъ въ басни Крылова, и комбинируясь самымъ различнымъ образомъ, изображаютъ русскую дѣйствительность, разносторонне охватывая ее. Въ нѣкоторыхъ своихъ басняхъ, являясь моралистомъ и

даже, правда въ очень рѣдкихъ случаяхъ, проповѣдникомъ, Крыловъ въ большинствѣ ихъ является исключительно сатирикомъ. Онъ присоединяетъ, за рѣдкими, сравнительно, исключеніями, къ художественной части басни и нѣсколько словъ отъ себя, но эти нравственныя сентенціи носятъ большею частію чисто отрицательный характеръ. т. е. резюмируютъ только тѣ нападки, которыя заключены въ самой баснѣ, и не приподносятъ никакого положительно предписанія. Кромѣ того, онѣ такъ тѣсно связаны съ самимъ ходомъ дѣйствія басни, что отнюдь не мѣшаютъ ея художественности и не превращаютъ поэтическаго произведенія въ сухой урокъ прописной морали. Крыловъ въ своихъ басняхъ проявилъ большую чуткость къ русской дѣйствительности и набросалъ широкую картину русской жизни, затронувъ самые разнообразные вопросы, волновавшіе тогда общество и откликаясь даже на отдѣльныя событія.

Подраздѣлимъ басни Крылова, по тѣмъ вопросамъ, которые онѣ затрагиваютъ и разберемъ ихъ по отдѣламъ.

Начнемъ съ басенъ, въ которыхъ Крыловъ выражаетъ свой взглядъ на воспитаніе. Сюда относятся слѣдующія басни: „Крестьянинъ и змѣя“, „Червонецъ“, „Бочка“, „Кукушка и горлинка“, „Воспитаніе льва“.

Въ первой изъ нихъ Крыловъ затрагиваетъ общераспространенное явленіе конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка; именно: воспитаніе дѣтей наше дворянство поручало иностранцамъ, часто безъ всякаго выбора и отдавало всецѣло дѣтей на ихъ попеченіе.

Этотъ вопросъ былъ далеко не новъ и объ немъ много писалось еще въ сатирической журналистикѣ временъ Екатерины, выводилось не мало типовъ такихъ воспитателей и въ художественной литературѣ, начиная съ извѣстнаго Фонвизинскаго Вральмана. Всеобщее отрицательное отношеніе къ данному явленію, однако, мало вліяло на этотъ способъ воспитанія и не уменьшало его распространенности. Съ теченіемъ времени бывшіе воспитатели изъ парикмахеровъ и кучеровъ смѣнились другими, нѣсколько болѣе подходящими къ этой роли людьми, но сущность оставалась та же, и борьба съ этимъ явленіемъ велась почти до сороковыхъ годовъ. Тогда только на дѣло сумѣли взглянуть объективнѣе и болѣе осторожно отнестись къ факту, правда принесшему не мало вреда, но и не лишенному въ нѣкоторыхъ случаяхъ и положительной стороны. Этого совершенно не замѣчали раньше и нападки въ литературѣ принимали иногда чудовищные размѣры. Особенно остро ставился этотъ вопросъ въ эпоху отечественной войны, когда ненависть къ французамъ достигла необыкновенныхъ размѣровъ. Именно къ этой эпохѣ относится и время появленія басни (она написана въ 1813 г.). Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что Крыловымъ цѣлая нація французовъ, которые явно подразумѣваются подъ змѣей, клеймится, какъ „ни къ чорту“ негодящаяся. Крестьянинъ категорически отказывается принять змѣю, приползшую проситься къ нему въ воспитатели дѣтей, подъ тѣмъ предлогомъ, что за доброй змѣей вползутъ сто злыхъ, да кромѣ того и

„ . . . . . лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится“.

Такимъ образомъ, ни самъ вопросъ, ни его постановка въ этой баснѣ не отличаются новизной и

оригинальностью. Но басня принимаетъ только слишкомъ рѣзкій характеръ, что объясняется временемъ ея появленія.

Въ баснѣ „*Кукушка и горлинка*“ Крыловъ ставитъ вопросъ нѣсколько шире и говоритъ вообще о воспитаніи дѣтей при помощи наемниковъ. Въ образѣ кукушки, кладущей свои яица въ чужія гнѣзда, онъ рисуетъ матерей, раздающихъ своихъ дѣтей посторонимъ людямъ на воспитаніе и потомъ изливающихся въ жалобахъ:

„А я, какъ сирота, одна однимъ сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость не знаю“.

Обращаясь къ нимъ, Крыловъ говоритъ:

„Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ,
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?“

Мысль эта по существу можетъ быть и правильна, но если отнести эту басню къ обычаю, практиковавшемуся въ то время, отдавать своихъ дѣтей въ пансіоны, преимущественно основанные иностранцами, на что здѣсь намекаетъ Крыловъ, то нельзя не признать излишнюю категоричность этого наставленія. Дѣло въ томъ, что въ провинціи учебныхъ заведеній тогда почти совершенно не было, какъ и достаточно подготовленныхъ домашнихъ учителей. Такимъ образомъ, вопросъ ставился очень категорически: или лишить дѣтей образованія, или отправить ихъ въ столичные пансіоны. При такихъ условіяхъ трудно что-либо возразить противъ этого обычая.

Въ баснѣ „*Червонецъ*“ Крыловъ вообще ополчается противъ прививки внѣшняго лоска за счетъ дѣйствительно полезнаго воспитанія и предостерегаетъ:

„Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не
растерять".

Въ баснѣ же „*Бочка*" онъ призываетъ къ бережному отношенію къ дѣтямъ и очень осторожному выбору предметовъ обученія, потому де, что

„Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Камъ стоитъ разъ лишь напитаться,
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ не будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться".

Басня „*Воспитаніе Льва*" была написана по общему признанію на опредѣленный фактъ, именно, по поводу того воспитанія, которое дала Александру I Екатерина. Какъ извѣстно, главнымъ воспитателемъ его былъ швейцарецъ Лагарпъ, отъ котораго Александръ воспринялъ новѣйшія гуманитарныя идеи, царившія въ то время во Франціи, и которому обязанъ былъ своимъ развитіемъ. Но образованный иностранецъ не могъ дать ему знанія Россіи, чего впрочемъ не дали ему и другіе его русскіе воспитатели. Этимъ незнаніемъ отечества объясняются неудачныя попытки Александра провести въ жизнь свои либеральные взгляды; этотъ серьезный пробѣлъ въ воспитаніи Александра Крыловъ и изображаетъ въ своей баснѣ. Царь звѣрей, левъ, желая дать своему сыну-львенку воспитаніе и подготовить его къ управленію своимъ народомъ, отправляетъ его для этого къ царю пернатыхъ, орлу. Но результатъ получается плачевный. Къ ужасу своему отца и всего звѣринаго народа, онъ знакомится только тамъ съ нуждами птицъ и собирается учить звѣрей вить гнѣзда. Въ концѣ Крыловъ высказываетъ прямо свою основную мысль:

„ . . . . Важнѣйшая наука для царей—
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей".

Какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, выводъ Крылова не можетъ быть принятъ безъ значительныхъ оговорокъ. Во первыхъ, никакъ нельзя допустить, чтобы нужды и свойства западно-европейскихъ народовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ же отличались отъ русскихъ, какъ птичьи отъ звѣриныхъ. Александръ, пытаясь провести въ русскую жизнь западно-европейскія идеи, стоялъ несомнѣнно гораздо ближе къ запросамъ жизни, чѣмъ львенокъ, желавшій выучить звѣрей вить гнѣзда. Во вторыхъ, въ тѣ времена выборъ русскихъ воспитателей былъ очень не великъ и можно съ увѣренностью сказать, что никто изъ нихъ не могъ бы дать Александру и того, что далъ Лагарпъ.

Этими баснями исчерпывается все то, что сказалъ Крыловъ непосредственно по вопросу о воспитаніи. Затѣмъ онъ въ цѣломъ рядѣ басенъ говоритъ о невѣжествѣ и объ уродливыхъ формахъ образованности. Типъ невѣжды, авторитетно судящаго о томъ, что выше его пониманія, онъ рисуетъ намъ, въ лицѣ Пѣтуха, непонимающаго толку въ жемчужномъ зернѣ, въ лицѣ свиньи, наѣвшейся желудей и затѣмъ подрывающей корни у дуба, въ лицѣ Мартышки, разбивающей очки, потому что не видитъ въ нихъ проку, наконецъ въ образѣ Голика, чистящаго платье и дѣлающаго только больше пятенъ.

Но есть и другого рода басни. Такъ, напримѣръ, въ баснѣ „*Ларчикъ*" Крыловъ повѣствуетъ намъ о томъ, какъ „механикъ мудрецъ" бился надъ отысканіемъ секретнаго запора въ ларчикѣ, который „просто открывался". Въ баснѣ „*Огородникъ и философъ*" мы

узнаемъ, какъ „философъ“ въ противоположность ничему не учившемуся крестьянину, но имѣвшему зато „прилежность, навыкъ руки“, остался безъ огурцовъ. въ баснѣ *„Любопытный“* человѣкъ былъ въ кунсткамерѣ и „все видѣлъ, высмотрѣлъ“, даже мельчайшихъ букашекъ, только слона не примѣтилъ. Наконецъ, Въ баснѣ „ *Сочинитель и разбойникъ*“ Крыловъ сравниваетъ тяжесть грѣховъ разбойника съ большой дороги и покрытаго славой сочинителя, разливавшаго тонкій ядъ въ своихъ твореніяхъ, и это сравненіе оказывается далеко не въ пользу сочинителя.

Эти басни—слабыя мѣста въ творчествѣ Крылова. Онѣ являются грѣхомъ его противъ просвѣщенія. Конечно, ихъ можно разсматривать какъ сатиры противъ извѣстныхъ уродливыхъ сторонъ просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, басня „Огородникъ и философъ“ можетъ быть истолкована, какъ басня, направленная противъ недоучекъ, способныхъ только болтать, но не дѣлать дѣла. Однако, самъ Крыловъ въ ней явно противополагаетъ научному знанію практическій опытъ и трудолюбіе. Сатирическія выходки, подобныя указаннымъ, вполнѣ возможны были для Крылова благодаря тому, что въ свое время совершенно не получилъ образованія, былъ крайне далекъ отъ науки и всякая научная мысль была совершенно чужда его практическому уму. На такое пониманіе этихъ басенъ указываетъ его басня *„Водолазы“*, гдѣ авторъ пытается дать теоретическое рѣшеніе вопроса о пользѣ просвѣщенія. Въ ней идетъ разсказъ о томъ, какъ нѣкій царь усомнился въ пользѣ наукъ. Чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, онъ созываетъ совѣтъ, во время котораго раздаются голоса и за и противъ. Исписываются по этому поводу цѣлыя груды бумагъ, но сомнѣнія царя не разрѣшаются. Наконецъ, онъ приступилъ съ этимъ же вопросомъ къ пустыннику и тотъ

отвѣчаетъ ему притчей: три сына рыбака не удовлетворились скуднымъ промысломъ своего отца и принялись добывать жемчугъ. Одинъ изъ нихъ былъ лѣнтяй. Онъ искалъ только вдоль берега и не хотѣлъ „ногъ мочить своихъ“ и поэтому „едва-едва питался“. Другой выбралъ себѣ глубину по силѣ и „жилъ, всечастно богатѣя“. Наконецъ, третій „томимый алчностью“ кинулся въ самую пучину и погибъ. Отсюда Крыловъ устами своего странника дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

„Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ
причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ
собою“.

Самое построеніе этой сентенціи производитъ такое впечатлѣніе, что Крыловъ склоняется скорѣе не въ пользу науки. Здѣсь, говоритъ Аммонъ, „вторая половина періода высказана рѣшительнѣе и развита полнѣе, чѣмъ первая, лишь въ формѣ же уступки признающая ученье источникомъ многихъ благъ и по своей неопредѣленности производящая впечатлѣніе общаго мѣста“. Да кромѣ того области разумной глубины и пучины совершенно не разграничены, и басня въ концѣ концовъ все-таки не рѣшаетъ категорически вопроса о пользѣ просвѣщенія. А главное видѣть въ наукѣ какую-либо пучину является по меньшей мѣрѣ недоразумѣніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Галаховъ: „Алчность къ пріобрѣтенію матеріальныхъ богатствъ нельзя уподоблять жаждѣ умственныхъ изслѣдованій, глубинѣ знанія. Въ стремленіи къ истинѣ, умъ не можетъ остановиться на серединѣ. Врожденная, совершенно законная пытливость духа влечетъ человѣка нескончаемо и безгранично, хотя бы за это вле-

ченіе онъ жертвовалъ жизнью или на всегда утрачивалъ счастье... Эта пытливость есть столько же прирожденное намъ свойство, сколько и необходимое условіе нашего совершенствованія"...

Крыловъ, противопоставивъ научному образованію природную смѣтливость („Ларчикъ", „Огородникъ и философъ"), осмѣявъ кропотливость научнаго труда („Любопытный"), наконецъ, указавъ на какую то опасную пучину въ наукѣ („Водолазы"), въ то же время нигдѣ не указалъ на огромное значеніе науки и не высказалъ сочувствія къ открытіямъ, изобрѣтеніямъ, нововведеніямъ. Такое отношеніе къ просвѣщенію было недостаткомъ уже потому, что эти басни писались въ Александровскую эпоху, когда уровень образованія въ Россіи былъ очень низокъ и всего менѣе можно было предостерегать общество отъ излишняго увлеченія наукой. Эти басни могли принести только вредъ, отпугнувъ людей отъ невидимой области, преисполненной такихъ гибельныхъ свойствъ.

Причину такого отношенія къ наукѣ Галаховъ образно выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Сравнивая себя, какъ баснописца, съ морякомъ, который отъ того только не испыталъ бѣдъ, что не хаживалъ далеко въ море, онъ боялся за отважныхъ, пускавшихся въ открытый океанъ. Продолжая сравненіе, можно сказать, что, кромѣ поэтическаго моря, есть другое, еще болѣе обширное—море науки. Кто недолго и недалеко странствовалъ по немъ, тотъ не можетъ, конечно, судить ни объ его опасностяхъ, ни объ его сокровищахъ. Образованіе Крылова было очень ограничено и мелко, и въ этомъ заключается истинная причина его неблагосклоннаго отношенія къ глубинѣ знаній".

Въ баснѣ *„Конь и всадникъ"* разсказывается, какъ всадникъ, положившись на послушный нравъ своего

коня, снялъ съ него узду, за что и былъ наказанъ. Конь понесся, сбросилъ всадника и самъ разбился. Выводъ изъ этого слѣдующій:

„Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана".

По мнѣнію однихъ, эта басня написана на французскую революцію, по мнѣнію другихъ, Крыловъ имѣетъ здѣсь въ виду ходившіе въ началѣ царствованія Александра слухи объ освобожденіи крестьянъ. Какъ бы то ни было, здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, Крыловъ пытается рѣшить теоретическій вопросъ, на этотъ разъ, о пользѣ народной свободы. Но такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, это рѣшеніе совершенно неудачно, такъ какъ въ его формулу можно вложить все, что угодно. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ граница, раздѣляющая разумную мѣру свободы отъ неразумной?

Итакъ, попытки Крылова, какъ, напримѣръ, въ двухъ послѣднихъ басняхъ, рѣшить теоретическіе вопросы, нужно признать неудачными. Остальныя разобранныя басни, хотя стоятъ и выше этихъ, но ихъ тоже нельзя причислить къ лучшимъ его произведеніямъ. Въ нихъ Крыловъ является моралистомъ, обладающимъ большимъ здравымъ смысломъ, но его сентенціи большею частью не оригинальны и не отличаются большой глубиной. Вполнѣ развертывается дарованіе Крылова тамъ, гдѣ онъ является только сатирикомъ. Къ такимъ баснямъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ онъ касается русскаго административнаго строя и суда. Здѣсь Крыловъ безусловно самобытенъ, и его сатира отличается необыкновенной остротой и мѣткостью.

Въ баснѣ „*Оракулъ*“ Крыловъ разсказываетъ объ оракулѣ, который былъ внутри пустой и поэтому давалъ разумныя предсказанія, когда въ немъ находился ученый жрецъ, и говорилъ вздоръ, когда въ немъ сидѣлъ глупый жрецъ. Въ концѣ Крыловъ говоритъ:

„Я слышалъ—правда ль?—Будто встарь
Судей такихъ видали,
Которые веельма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь“.

Такіе судьи бывали не только встарь, но всегда бываютъ; въ началѣ же прошлаго столѣтія, когда жилъ Крыловъ, ихъ было очень много. У вельможи (басня „*Вельможа*“) были, очевидно, умные секретари. Онъ былъ такой дуракъ, что, навѣрное, погубилъ бы цѣлый край, если бы самъ принялся за дѣла. Но этого не случилось и онъ даже попадаетъ въ рай. Бываютъ случаи, что подобныйвельможа самъ возьмется за дѣла, и тогда бываетъплохо. Въ баснѣ „*Слонъ на воеводствѣ*“ воевода слонъ, который „въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ простъ“, разрѣшаетъ волкамъ собрать „легонькій оброкъ“ съ овецъ—взять съ нихъ только по одной шкуркѣ, и больше ихъ не трогать волоскомъ. Крыловъ дѣлаетъ такой выводъ.

„Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,
Такъ худо ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ»“.

Но когда судья и знатенъ, и силенъ, и уменъ, да со злымъ сердцемъ, тогда ужъ нечего ждать правильнаго рѣшенія. Такъ дѣло обстоитъ въ баснѣ „*Щука*“. На щуку подана жалоба въ судъ за то, что „отъ нея житья въ прудѣ не стало“. Пришлось при-

знать ее виновной. Но лиса-прокуроръ, которая, благодаря щукѣ, пользовалась рыбнымъ столомъ, сумѣла сладить дѣло и судъ постановляетъ: „Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно—такъ утопить ее въ рѣкѣ“. Въ другой баснѣ „*Крестьянинъ и овца*“ та же самая лиса приговариваетъ къ смерти овцу, обвинявшуюся въ кражѣ двухъ куръ, а затѣмъ добавляетъ: „мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу“. Басню „*Крестьяне и рѣка*“ Крыловъ посвятилъ вопросу о взяточничествѣ. Крестьяне отправились къ рѣкѣ жаловаться на разореніе, которое они терпятъ отъ рѣчекъ и ручейковъ въ половодье. Но придя къ рѣкѣ, крестьяне увидѣли, что часть добра, унесеннаго у нихъ, плыветъ по рѣкѣ. Крестьяне посмотрѣли и пошли обратно, придя къ слѣдующему безотрадному выводу:

„На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ“.

Точно также и у лисицы, судьи въ курятникѣ, частенько бывало рыльце въ пушку.

Правда, не всегда, какъ это видно изъ послѣдней басни, взятки сходятъ съ рукъ благополучно. Такъ, вороненокъ (басня „*Вороненокъ*“) пострадалъ. Но это произошло только потому, что онъ сорвался, взялся за дѣло выше своихъ силъ, вздумалъ, по выраженію гоголевскаго городничаго, „не по чину драть“.

Въ баснѣ „*Лиса строитель*“ онъ изображаетъ законодателя, составляющаго такой обстоятельный и точный законъ, что, кажется, отрѣзанъ всякій путь для злоупотребленій, да только та бѣда, что законодатель для самого себя оставилъ лазейку.

Пишутся и такіе законы, которые завѣдомо обречены на неисполненіе. Такъ „правительство звѣрей“

вняло мольбамъ овецъ и рѣшило учредить совѣтъ для выработки мѣръ ихъ защиты. Но „хоть надобно овецъ оборонить, но и волковъ не вовсе жъ притѣснить“, да, наконецъ, и не всѣ же волки злы. По этимъ соображеніямъ въ совѣтѣ засѣдающими оказались тѣ же волки. Волки въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ какъ будто оказались честны и выработали строгій законъ, по которому

„Какъ скоро волкъ у стада забуянитъ,
И обижать онъ овцу станетъ,
То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить,
Въ сосѣдній лѣсъ иль боръ“

Но плоды такого закона ясны. Какъ и раньше „будь овца отвѣтчикъ иль истецъ, а только волки все-таки овецъ въ лѣса таскаютъ“ (*„Волки и овцы“*). Волки вырабатываютъ законы для охраны овецъ, волкъ же оказывается и въ старостахъ у овецъ (*„Мірская сходка“*). Это происходитъ не просто. Для этого созывается звѣриный сходъ, которымъ онъ единогласно и утверждается въ своей новой должности:

„Да что же овцы говорили,
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли.
А ихъ то бы всего нужнѣй спросить“

Результаты такого назначенія можно предвидѣть. Произойдетъ то же, что произошло съ лисой, когда она оказалась судьей въ курятникѣ, и съ медвѣдемъ, когда его назначили надсмотрщикомъ надъ ульями (*„Медвѣдь у пчелъ“*). Послѣдній потаскалъ весь медъ въ свою берлогу. Преступленіе открылось. Но когда дѣло касается знатнаго и богатаго, тогда всегда явится

возможность соблюсти внѣшнюю формальную справедливость и въ то же время выгородить виновнаго. Какъ щука въ наказаніе была „потоплена въ рѣкѣ“, такъ и медвѣдь получаетъ столь же суровое возмездіе:

„По формѣ снарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старый плутъ“.

А, сверхъ того, и меду у него не отняли и лежитъ въ берлогѣ, и блаженствуетъ, сося лапу съ медомъ. Вообще, бояре вродѣ медвѣдей и волковъ, въ обиду себя не дадутъ и сумѣютъ выйти сухими изъ воды. Не очень они страдаютъ отъ строгихъ законовъ, которые сами пишутъ. Умѣютъ они свалить съ себя и всякія повинности, которыя вздумаетъ наложить левъ на свой народъ. „Когда левъ сталъ хилъ и старъ“ и вздумалъ побаловать себя мягкой постелью, то пушистые и косматые бояре со рвеніемъ стараются угодить ему. Они говорятъ, что всѣ согласны поступиться для удобства льва не только шерстью, но и кожей; и здѣсь же даютъ совѣтъ поскорѣе набрать шерсти съ оленей, сернъ, козъ, ланей, съ этихъ косматыхъ звѣрей, которые почти не платятъ дани. Въ результатѣ обоюдное удовольствіе: и левъ съ мягкой постелью, бояре заслужили со стороны льва похвалу за сердіе.

Самоуправство и безнаказанность сильнаго—это общее и необходимое явленіе. Это участь всякаго, кто получаетъ въ руки безконтрольную власть. Другой смиренъ и тихъ только потому, что онъ слабъ, но стоитъ ему подобно ручью въ баснѣ „*Ручей*“ пріобрѣсти силу и онъ круто мѣняется и сноситъ все, что стоитъ на его дорогѣ:

„Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!“

Осмѣиваетъ Крыловъ и глупость, которая такъ часто идетъ рука объ руку съ высокимъ постомъ. Ослы у него, попавъ на Парнасъ, возомнили о себѣ и вздумали затмить своимъ пѣніемъ музъ („*Парнасъ*“), но пѣвцы понесли такую дичь, „какъ будто тронулся обозъ“. Крыловъ заключаетъ басню словами:

„Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста“.

Крыловъ, такъ глубоко затронувъ въ цѣломъ рядѣ басенъ безправіе управляемыхъ и своеволіе управителей, такъ рѣзко выведя безотрадное положеніе овецъ при старостахъ и законодателяхъ-волкахъ, такъ рѣзко подчеркнувъ правосудіе, прикрытое внѣшней, формальной правильностью, не оставилъ безъ вниманія и взаимоотношеніе начальника и подчиненнаго. Онъ возлагаетъ главную отвѣтственность на болѣе сильныхъ. Въ его баснѣ „*Волкъ и волченокъ*“ волкъ наставляетъ волченка, что „гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры“, то же самое онъ говоритъ и въ баснѣ „*Оселъ и мужикъ*“, гдѣ обвиняетъ мужика въ выборѣ неумнаго помощника. Но случается и такъ, что люди нарочно выбираютъ себѣ глупыхъ подчиненныхъ, потому что боятся умныхъ („*Бритва*“). Но все это еще ничего, когда дѣло касается ума, но когда начальники являются ворами, то получается или то, что ручейки дѣлятся съ рѣками, или же подчиненнымъ остается, подобно собакамъ въ баснѣ „*Волкъ и пастухи*“, только

„смирнехонько лежать“, когда пастухи потрошатъ лучшаго въ стадѣ барана. Но случается и такъ, что грѣхи старшихъ сваливаютъ на младшихъ, тогда послѣднихъ всѣ клянутъ, а первые въ сторонѣ и даже пользуются почетомъ. Такъ дѣло обстоитъ въ баснѣ *„Пестрыя овцы“*. Левъ не взлюбилъ своихъ пестрыхъ овецъ, и вотъ медвѣдь совѣтуетъ „безъ дальнихъ сборовъ“ велѣть ихъ всѣхъ передушить, но сердобольная лиса противъ гибели невинныхъ и поэтому совѣтуетъ отвести имъ лучшія пастбища и приставить къ нимъ въ пастухи волковъ. Цѣль вполнѣ достигнута и звѣри толкуютъ, что „левъ бы хорошъ, да все злодѣи волки“. Сходна по содержанію и басня *„Миронъ“*. Богачъ Миронъ, желая заслужить добрую славу, распустилъ въ народѣ слухъ, что будетъ кормить всѣхъ нищихъ по субботамъ. И, подлинно, у него по субботамъ ворота не заперты, да только бѣда въ томъ, что на дворѣ онъ спустилъ съ цѣпи такихъ злыхъ собакъ, что „нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться—дай Богъ здоровому съ двора убраться“...

„Межъ тѣмъ Миронъ пошелъ едва не во святыхъ.
Всѣ говорятъ: „Нельзя Мирону не дивиться;
Жаль только, что собакъ такихъ онъ держитъ злыхъ,
И трудно до него добиться!
А то онъ радъ послѣднимъ подѣлиться“.

Въ концѣ Крыловъ прибавляетъ отъ себя:

Видать случалось мнѣ,
Какъ доступъ не легокъ въ высокія палаты,
Да только все собаки виноваты—
Мироны-жъ сами въ сторонѣ“.

На этой баснѣ мы и закончимъ разборъ басенъ относящихся непосредственно къ русскому суду и адми-

нистраціи. Въ этомъ отдѣлѣ сосредоточивается главная сила и главное значеніе его басенъ. Здѣсь басня Крылова является чисто національной сатирой и имѣетъ наибольшее общественное значеніе. Изъ басенъ, тоже имѣющихъ общественное значеніе, слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ, въ которыхъ Крыловъ пытается установить правильное взаимоотношеніе между отдѣльными классами общества и частями государственной администраціи. Къ такимъ баснямъ принадлежатъ: „*Листы и корни*“ и „*Пушки и паруса*“. Въ первой изъ нихъ онъ противопоставляетъ листьямъ, т. е. верхнимъ общественнымъ слоямъ — корни, низшіе, трудящіеся классы и отдаетъ скромнымъ корнямъ преимущество передъ пышными и гордыми листьями, какъ тому элементу, который питаетъ весь соціальный организмъ:

„ . . ..съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ“.

Слѣдуетъ остановиться на смыслѣ этой басни. Дѣло въ томъ, что въ нее можно вложить либерально-гражданскій смыслъ. Если противопоставляется важное значеніе корней листьямъ, если указывается на нихъ, какъ на основу, на которой зиждется все общество, то можно сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, что въ силу такого важнаго значенія ихъ въ общественной жизни они имѣютъ право на лучшее мѣсто въ ней, на уваженіе къ личности, на личную независимость; другими словами, считаясь съ той эпохой, въ которой Крыловъ творилъ, можно было принять басню за протестъ противъ крѣпостного права. Несомнѣнно, Крыловъ, консерваторъ по самой своей натурѣ, не имѣлъ въ виду такихъ выводовъ. Если онъ вкладывалъ въ басню какой-либо практическій смыслъ, то это былъ не больше, какъ призывъ къ человѣческому обхожденію съ крѣ-

постными крестьянами. Басня „*Пушки и паруса*“ написана Крыловымъ по поводу распространеннаго тогда пренебрежительнаго отношенія къ гражданской службѣ. Всѣ молодые дворяне стремились на военную службу и свысока смотрѣли на штатскихъ. Крыловъ отводитъ должное мѣсто и тѣмъ и другимъ въ общемъ механизмѣ государственнаго управленія, сравнивая однихъ съ пушками, громящими враговъ, а другихъ съ парусами, направляющими общій ходъ государственной жизни:

„Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти“.

Близко къ этимъ баснямъ примыкаютъ тѣ, въ которыхъ Крыловъ затрагиваетъ сословные недостатки, въ частности, представляющія сатиры на дворянство. Такъ, напримѣръ, въ баснѣ „*Гуси*“ мы имѣемъ мѣткую сатиру на сословное чванство и кичливость своимъ происхожденіемъ. Онъ дѣлаетъ гусямъ далеко не утѣшительный приговоръ:

„Оставьте предковъ вы въ покоѣ!
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

Басни „*Тришкинъ кафтанъ*“ и „*Мельникъ*“ тоже принадлежатъ къ сатирамъ на дворянство. Въ нихъ Крыловъ осмѣиваетъ хозяйственную несостоятельность сословія, безразсудное мотовство и неумѣнье поправить запутанныхъ дѣлъ. Его мельникъ безпечно спитъ, когда вода просачивается черезъ плотину и даже когда она бьетъ, какъ изъ ушата. Но когда мельница стала, то онъ въ злобѣ пускаетъ полѣномъ въ куръ, пришедшихъ напиться. На этого мельника похожи тѣ люди:

„Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ“...

А то случается, что господамъ, вздумавшимъ поправлять свои дѣла, приходится щеголять въ „Тришкиномъ кафтанѣ“, т. е. въ такомъ, „котораго длиннѣе и камзолы“.

Слѣдуетъ упомянуть еще о тѣхъ басняхъ, примыкающихъ по своему содержанію къ только что упомянутымъ, въ которыхъ Крыловъ высказываетъ свое отношеніе къ труду. Къ нимъ принадлежатъ басни: *„Прудъ и рѣка“*, *„Обезьяна“*, *„Орелъ и пчела“*, *„Водопадъ и ручей“*, *„Бѣлка“*, *„Муха и дорожные“*. Особенно интересна изъ нихъ басня *„Орелъ и пчела“* по тому симпатичному отношенію къ труду скромному, безвѣстному, на общую пользу, которое выразилось въ словахъ пчелы. Въ отвѣтъ на заносчивыя слова орла, гордаго своей мощью и славой, пчела отвѣчаетъ:

„А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть“.

Всѣ эти басни, несмотря на ихъ художественныя достоинства и на остроуміе, нужно поставить ниже вышеуказанныхъ басенъ, относящихся къ русскому суду и администраціи. Въ нихъ и сатирическій и народный элементы слабѣе. Басни „Пушки и паруса“ и „Листы и корни“ рѣшаютъ общіе вопросы. Другія же басни, хотя среди нихъ и есть очень мѣткія сатиры, какъ „Гуси“ и „Тришкинъ кафтанъ“, въ большинствѣ касаются общихъ мѣстъ, которыя одинаково примѣнимы ко всякому мѣсту и ко всякой эпохѣ и не за-

трагиваютъ острыхъ и наболѣвшихъ вопросовъ тогдашней русской жизни.

Всѣ упомянутыя басни, хоть онѣ сплошь и рядомъ писались на отдѣльные, частные случаи, имѣютъ въ виду разныя стороны русской жизни и представляютъ изъ себя широкія сатиры на общество и административное устройство Россіи той эпохи. Но у Крылова имѣются еще басни, такъ называемыя историческія, въ которыхъ онъ откликнулся на историческія событія, связанныя съ нашей отечественной войной. Къ такимъ баснямъ принадлежатъ слѣдующія четыре: „*Волкъ на псарнѣ*“, „*Обозъ*“, „*Ворона и курица*“, „*Щука и котъ.*“. Первая изъ этихъ басенъ написана въ 1812 г. и имѣетъ въ виду Наполеона, попавшаго въ безвыходное положеніе по взятіи Москвы и поведшаго неудачные переговоры съ Александромъ, о мирѣ. Кеневичъ указываетъ, что въ рѣчи волка:

. . . „Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ;
А я, не только впредь не трону вашихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...“

очень много общаго съ тѣми словами, въ которыхъ Наполеонъ обратился къ Яковлеву: „Пора положить предѣлъ кровопролитію. Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать, я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора. Я готовъ возвратиться“...

Эта басня въ рукописи была переслана Кутузову, который прочелъ ее въ кругу офицеровъ и, какъ говорятъ, при словахъ „а я, пріятель, сѣдъ“, снялъ фу-

ражку и потрясъ своей сѣдой головой. Въ слѣдующей баснѣ, „*Обозъ*“, Крыловъ, одинъ изъ немногихъ въ то время, среди общаго недовольства и ропота на нерѣшительныя дѣйствія Кутузова, становится на сторону послѣдняго. Его осторожную и обдуманную тактику онъ выводитъ въ лицѣ добраго коня, который медленно и осторожно спускалъ возъ съ горы. Басня „*Ворона и курица*“, такъ же какъ и первыя двѣ, написана въ 1812 году и имѣютъ въ виду то бѣдственное положеніе, въ которомъ оказались французы по взятіи Москвы. Самое содержаніе басни не представляетъ ничего оригинальнаго. Анекдоты на тему о французахъ, ѣдящихъ супъ изъ воронъ, были тогда очень распространены, и на эту тему ходило много карикатуръ. Наконецъ, послѣдняя басня „*Щука и котъ*“, написанная въ 1813 г. имѣла въ виду извѣстную неудачу адмирала Чичагова и его неумѣлыя дѣйствія, слѣдствіемъ которыхъ было спасеніе Наполеона и остатковъ его арміи. Онъ долженъ былъ отрѣзать Наполеону отступленіе на рѣкѣ Березинѣ, но не только не выполнилъ этой задачи, но даже понесъ нѣкоторыя потери—„И крысы хвостъ у ней отъѣли“. При всей своей мѣткости и ѣдкости, басня Крылова, однако, относится сравнительно мягко къ Чичагову и обвиняетъ его только въ неумѣлости, тогда какъ многіе современники обвиняли его прямо въ намѣренномъ спасеніи Наполеона.

Эти четыре басни являются отголоскомъ великихъ событій, современникомъ которыхъ былъ Крыловъ, и написаны на опредѣленные конкретные историческіе факты, но онѣ имѣютъ и болѣе общее значеніе, и намъ теперь по самымъ разнообразнымъ поводамъ приходится вспоминать такія мѣткія фразы, какъ напримѣръ: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“ и т. п.

Слѣдуетъ еще упомянуть басни, въ которыхъ Крыловъ даетъ сатиру на критику: „*Свинья*“, „*Оселъ и соловей*“, „*Любопытный*“, „*Прихожанинъ*“. Кромѣ того, много басенъ не имѣютъ широкаго общественнаго значенія, но представляютъ мѣткія сатиры на отдѣльныя человѣческія слабости, какъ напримѣръ, „*Слонъ и моська*“, „*Двѣ собаки*“, „*Мышокъ*“ и др.

Итакъ, въ баснописцѣ Крыловѣ мы цѣнимъ не моралиста, а сатирика; не проповѣдника, а художника-бытописателя, схватывающаго жизнь съ ея комической стороны. „Крыловъ, прежде всего,—говоритъ В. В. Сиповскій, — художникъ - жанристъ, схватывающій жизнь въ ея типическихъ проявленіяхъ, моралистъ въ немъ заслоненъ художникомъ. Съ этой художественной, такъ сказать, внѣшней стороны басни Крылова въ исторіи нашей литературы всегда были и будутъ образцовыми произведеніями; именно, своею художественностью доставили онѣ неувядаемую славу ихъ творцу и, быть можетъ, именно, ихъ совершенствомъ можно объяснить то интересное явленіе въ исторіи нашей литературы, что никто не рѣшился состязаться съ Крыловымъ въ баснописаніи. Онъ, безспорно, нашъ первый оригинальный реалистъ, подъ его ближайшимъ вліяніемъ воспитался Гоголь“... Да, Крыловъ—реалистъ, несмотря на аллегорическій характеръ басни. За его аллегорической формой стоитъ настоящая, неподдѣльная жизнь. Онъ первый ввелъ во всей ея реальной правдѣ жизнь въ литературу, ввелъ человѣка такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности. „Крыловъ одинъ изъ первыхъ и величайшихъ представителей“,—говоритъ Аммонъ,—„здороваго, жизненнаго реализма въ нашей литературѣ и, если мы не во всѣхъ выводахъ соглашаемся съ нашимъ великимъ баснописцемъ, то это происходитъ оттого, что онъ иногда, не довольствуясь ролью художника дѣйстви-

тельности, вопреки складу своего ума и таланта, пытался сдѣлаться провозвѣстникомъ основныхъ теоретическихъ истинъ. По счастью, для русской литературы это направленіе не одержало верхъ надъ художественнымъ инстинктомъ Крылова и не толкнуло его на ту дорогу, на которую сбился авторъ „Мертвыхъ Душъ“, выпустивъ въ свѣтъ свою „Переписку съ друзьями“.

Рисуя жизнь, выводя въ комическомъ видѣ ея пороки и недостатки, Крыловъ осуждалъ все это не съ точки зрѣнія какихъ-либо теорій, а съ точки зрѣнія здраваго смысла, трезваго и смѣтливаго практическаго ума. Правильное отношеніе къ дѣйствительности ему подсказывалось житейскимъ опытомъ, той житейской мудростью, подъ вліяніемъ которой въ народѣ складываются пословицы. Наблюдая тонкимъ и наблюдательнымъ умомъ, но лишеннымъ широкаго образованія, Крыловъ стоялъ близко къ самымъ широкимъ народнымъ слоямъ и былъ понятенъ имъ. Отсюда такое обширное распространеніе его басенъ. Очень характернымъ въ этомъ отношеніи является письмо его брата Льва Андреевича, человѣка очень мало образованнаго, хотя и любившаго читать: „Жуковскій пишетъ, кажется, только для ученыхъ и болѣе занимается вздоромъ, а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнѣдичъ—человѣкъ высокоумный и щеголяетъ на поприщѣ славы между немногими. Но какъ ты, любезный тятенька, пишешь—это для всѣхъ, для малаго и стараго, для ученаго и для простого, а всѣ тебя прославляютъ. Басни твои—это не басни, а апостолы“... Самая ихъ незамысловатая практическая мудрость и художественная, понятная для всѣхъ образность были близки народному духу.

Мы уже говорили, что подъ перомъ Крылова басня явилась художественнымъ произведеніемъ. Повѣство-

вательная часть басни заняла самостоятельное значеніе и, вмѣсто служебной роли простой иллюстраціи къ высказываемой здѣсь же морали, она заняла главное мѣсто. Сухое же нравоученіе басни такъ тѣсно слилось съ художественной ея частью, что почти потеряло право на самостоятельное существованіе. „Въ способѣ этого приложенія“,—говоритъ Гогоцкій,—„или вывода нравоученія заключается пробный камень для таланта баснописца. Часто и въ лучшихъ басняхъ выводы отличаются дидактическимъ характеромъ и какою-то, по самому тону, отдѣльностью отъ цѣльнаго ихъ состава; у Крылова же самые выводы, своею непринужденностью и остроуміемъ, нерѣдко даже не даютъ замѣтить, что мы уже вышли изъ художественной сферы басни, а иногда какъ бы снова съ новою силою сосредоточиваютъ въ себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, весь комизмъ, всю иронію, разлитые въ баснѣ“. Но и, помимо того, огромный талантъ проглядываетъ въ самомъ умѣньи въ нѣсколькихъ словахъ, въ двухъ, трехъ стихахъ набросать яркую и даже художественную картину. Даже самый размѣръ стиха у Крылова сплошь и рядомъ подчиняется изображаемой картинѣ и дополняетъ ея настроеніе. „Нужно ли изобразить зиму“,—говоритъ Лавровскій,—„Крыловъ въ трехъ стихахъ легкими, повидимому, небрежными штрихами геніальнаго художника рисуетъ ея картину:

„По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы.
Изъ трубъ столбами дымъ въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло“. (Мотъ и Ласточка).

Понадобилась для его разсказа буря—и она является въ шести стихахъ съ ея шумомъ и трескомъ, громомъ и молніею:

„Борей послушался—летитъ, дохнулъ—и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса

Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса".
(Пушки и Паруса).

Вотъ тащится въ гору по песку тяжелый рыдванъ—и на самой тяжести и медленности стиховъ, на тяжеловѣсности отдѣльныхъ словъ, не прибранныхъ, а явившихся безъ зова, потому что здѣсь могли быть только они, эти стихи и эти слова, вы чувствуете, такъ сказать, тяжесть колымаги, муку лошадей и палящій зной полуденнаго лѣтняго солнца.

„Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ
Тащился. (Муха и дорожные).

И всѣ эти мастерски набросанныя картины, всѣ его басни цѣликомъ, съ какой бы стороны мы ихъ ни разсматривали, начиная съ изображаемой въ нихъ жизни и кончая языкомъ ихъ, насквозь проникнуты неподдѣльнымъ народнымъ духомъ. По словамъ Бѣлинскаго: „Высочайшее достоинство басенъ Крылова заключается въ томъ, что онѣ и по содержанію, и по изложенію, и по языку въ высшей степени русскія басни. Даже и въ переводахъ и въ подражаніяхъ Крыловъ умѣлъ остаться русскимъ"... Правда, иногда попадаются мѣста, которыя чужды русской жизни, да и, вообще, чужды всякой жизни и являются заимствованіемъ нѣкоторыхъ искусственныхъ литературныхъ пріемовъ изъ западно-европейской поэзіи XVIII вѣка. Какъ примѣръ подобныхъ искусственныхъ мѣстъ, обыкновенно приводится слѣдующій отрывокъ изъ басни „Оселъ и соловей":

„Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.
Чуть чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался".

Эти стихи напоминаютъ отрывки изъ французской пасторали. Но такихъ мѣстъ у Крылова очень мало и ихъ всѣхъ можно перечислить. Насколько же онъ въ цѣломъ близко подошелъ къ народному духу, доказывается тѣмъ, что много стиховъ изъ его басенъ превратились въ народныя пословицы.

Значеніе дѣятельности Крылова.

Подводя итогъ дѣятельности Крылова, и говоря о художественныхъ достоинствахъ его басенъ, не приходится тратить много словъ. Факты говорятъ сами за себя. Такимъ фактомъ является, во-первыхъ, тотъ необыкновенный успѣхъ, которымъ пользовались и пользуются его басни у насъ въ Россіи. Его басни извѣстны почти всякому грамотному челорѣку, ихъ можно встрѣтить почти въ каждой хрестоматіи. Уже при жизни Крылова его басни въ различныхъ изданіяхъ разошлись въ количествѣ 77,000 экземпляровъ. Другимъ показателемъ величины дарованія Крылова является огромное число переводовъ за-границей. Данныя по этому поводу сообщаетъ Драгановъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ іюльской книжкѣ 1895 г. П. Д. Драгановъ даетъ слѣдующую таблицу извѣстныхъ ему переводовъ на иностранные языки:

Французскихъ.	72 перев.	Датскихъ . .	1 перев.
Итальянскихъ.	32 „	Хорватскихъ .	1 „
Англійскихъ .	17 „	Финскихъ . .	1 „
Болгарскихъ .	12 „	Арабскихъ . .	1 „
Нѣмецкихъ . .	10 „	Молдавскихъ .	1 „
Малороссійскихъ	4 „	Армянскихъ .	1 „
Польскихъ . .	4 „	Турецкихъ . .	1 „
Древне-еврейск.	3 „	Сербскихъ . .	1 „
Нѣмецко-евр. .	2 „	Грузинскихъ .	1 „
Чешскихъ . ,	2 „	Ново-греческ. .	1 „

Многіе изъ перечисленныхъ переводовъ представляютъ изъ себя довольно значительные сборники басенъ. Такой необыкновенный успѣхъ Крылова за-границей представляетъ изъ себя исключительное явленіе въ русской литературѣ, и въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравняться ни одинъ русскій писатель.

Содержаніе.

Стр.

Біографія 7

Разборъ басенъ:

Крестьянинъ и змѣя 19
Кукушка и горлинка 21
Червонецъ . . . . . —
Бочка 22
Воспитаніе льва . . . . . —
Ларчикъ 23
Огородникъ и философъ . . . . . —
Любопытный 24
Водолазы . . . . . .
Оракулъ 28
Щука . . . . . —
Крестьянинъ и овца 29
Крестьяне и рѣка . . . . . —
Лиса строитель . . . . . —
Ручей 31
Волкъ и волченокъ 32
Оселъ и мужикъ . . . . . —
Волки и пастухи . . . . . —
Пестрыя овцы 33
Миронъ . . . . . —
Листы и корни 34
Пушки и паруса 35
Гуси . . . . . —
Тришкинъ кафтанъ . . . . . —
Мельникъ . . . . . —

Прудъ и рѣка 36
Обезьяна . . . . . —
Орелъ и пчела . . . . . —
Водопадъ и ручей . . . . . —
Бѣлка . . . . . —
Муха и дорожные 37
Волкъ на псарнѣ 38
Обозъ . . . . . —
Ворона и курица . . . . . —
Щука и котъ. . . . . —
Свинья 39
Оселъ и соловей. . . . . —
Любопытный . . . . . —
Прихожанинъ 43

Значеніе дѣятельности Крылова.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЯ КНИГИ.

УЧАЩИМСЯ

ПОСОБІЯ ДЛЯ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. Фонвизинъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
Н. М. Карамзинъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
И. А. Крыловъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
В. А. Жуковскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
С. Т. Аксаковъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
А. С. Грибоѣдовъ. Біографія и разборъ его главнаго произведенія . ц. 30 к.
А. С. Пушкинъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
А. К. Толстой. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
Н. В. Гоголь. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 40 к.
В. Г. Бѣлинскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 40 к.
И. А. Гончаровъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
М. Ю. Лермонтовъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
И. С. Тургеневъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
Н. А. Некрасовъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
А. Н. Майковъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
Ѳ. М. Достоевскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 40 к.
Д. В. Григоровичъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
А. Н. Островскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 30 к.
Л. Н. Толстой. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 40 к.
А. П. Чеховъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній . ц. 40 к.

Выписывающіе изъ книжнаго склада **Ив. Загряжскаго** (С.-Петербургъ, Петерб. стор., Большой пр. 13) на сумму не менѣе **двухъ рублей** за пересылку **не платятъ.**

Обложка напечатана въ Типо-Литографіи „Экспрессъ" В. Боровина. СПБ. Пет. ст., Большой пр. 21.

2010515579